

ЮБИЛЕЙ

стр.

Не спрашивайте у поэта про возраст. Все врут календари. Ее голос звучит над временем. И он покорило пространство — российское и прочее земное. Она — почетный член Американской академии искусств и литературы. У нее множество блистательных наград — две итальянские поэтические премии "Носсиде" и "Брианца", Пушкинская премия Тёпфера (Германия). Ее имя украшает мировой поэтический Парнас.

ВЛАДИМИР ЧИСТЯКОВ

ЧТО БЫЛО — ТО БЕЛЛА

Друзья Ахматулиной рассказали о ней "МК"

Белла одаряет любовью все — и живое, и бездыханное. Все, что пробуждает по ночам и врачует ее душу. А душа поэта — бьющий из глубин ключ. В ней самой всегда льется что-то неутоленное и неутолимое. Читает ли стихи, говорит ли о чем-то прекрасном — и ты чувствуешь, как напрягается ее восходящее к небу горло. А голос летит и жалует, как одинокая флейта. И слышится или угадывается в звуках, в словах тайна единения с миром, томление по идеалу.

Белла всегда — ныне и присно — пребывает в поиске путей самовыражения. От природы наделенная чутким слухом ко всему необычному и странному, она переплавляет пламень взрывного характера в огонь стихотворного высказывания. И тот, кто обращается к ее стихам, способен сам согреться ее душевной магией. Ахматулина в стихах — щедрая дарительница. И как не воскликнуть словами Заратустры: "О одиночество всех даящих! О молчание посылающих свет!"

Каждое ее стихотворение таит магическое сочетание земного бытия с особой душевной потребностью — испытать "вольные скитания ночного сна". Она ждет и, кажется, караулит это особое состояние, когда в предрассветном полумраке или в лунной игре с облаками можно прочесть вечные сигналы и знаки своего там присутствия, растворения в небесной круговерти. В ночное одиночество в овраге (!) ее гонит предчувствие творчества, такое же волшебное, как у классика — "песня зреет".

Ее вдохновляет и гряда камней, и какой-то столб у дороги, а звездное небо буквально открывает письма. В ней до сих пор бурлит пламенная страсть — оживить, одухотворить все вокруг. И нет сегодня в поэтической среде скромнее человека в оценке своих достижений, чем Ахматулина.

"Кто я? Возьму державинское слово./Я — некакий, я — некий нетопырь./Нетороплив мой лёт и не строптив,/чуть выше обитания земного".

Белла — сама любовь. Борису Мессереру, своему мужу, замечательному художнику, ее ангелу-хранителю, она посвящает свои миниатюры:

**Соотношу мою луну
с луной, известной на Арбате, —
и получается объятие
с тобою. Я тебя люблю.**

И на этот раз Борис Асафович спрятал от нас, журналюг, Беллу в больничной палате, где ее лелеяли и холили перед юбилейным торжеством. Ну что ж. Тогда пусть за нее говорят ее лучшие друзья.

Василий Аксенов, писатель:

— Я чувствую ее сестрой, как Булата Окуджаву считал братом. В этом чувстве есть что-то особенное, и связано оно с Борисом Пастернаком, с его знаменитой книгой стихотворений "Сестра моя жизнь". Белла слово героиня того времени. В ней угадываю внутреннее соответствие той страсти, которая волновала лирического героя Пастернака. В ней — ощущение непрерывной соединенности жизни. Когда я вспоминаю эпизоды, связанные с Беллой, они наполняют меня вдохновением. Настроение поднимается!

Мы дружим с Беллой и Борисом Мессерером давно. Когда они демонстрировали совместный альбом — стихов Беллы и рисунков Мессерера, связанных с Тару-

сой, все мы, их друзья, наслаждались словом и музыкой Беллы. Это было наслаждение для уха и радость для души. Она всегда молода душой, активна в поэзии. Всё, что связано с ней, это и наша одухотворенная связь с русской поэзией, с русской литературой. Белка, как мы, ее друзья, всегда зовем, является одним из самых мощных гениев широко рассыпанной нашей поэтической сети, которую разрушили в приснопамятные времена большевики. Ахмадулина — это новый образ Серебряного века.

Евгений Попов, писатель, один из самых близких друзей Беллы:

— Беллу считаю родственницей, а потому я когда-то позвал ее и других близких людей на свою последнюю свадьбу (бракосочетался с любимой женой Светланой Васильевой). Много странностей у нас случилось. Почему-то все пришли в черном. Веселье — на поле мрачности. Но зато снег сиял белизной. Пожаловал и Дмитрий Александрович Пригов. Борис Мессерер расстелил скатерть с голубыми отливами прямо на снег. Скатерть знаменитейшая — ее подарил художнику великий Параджанов. Постреляли мы шампанским — и скатерть перешла в мою собственность. Зрелище было графически четким — черные странные фигуры на белом снегу. Прохожие останавливались в изумлении и по-своему комментировали: "Видать, это сектанты венчаются".

А мы хохотали. Свадьбу справляли в стекляшке, в забегаловке на станции Перedelкино. Но прежде чем напиться, отправились на могилу Пастернака. Учи, половина гостей, в том числе и Белла, имели предупреждение от КГБ — держать себя в рамках. Мы все были у них на примете! И все-таки повеселились мы славно, даже наняли гармониста. За окнами шалмана ждали момента иностранные корреспонденты. Кто-то сказал Белле об этом, а она философски заметила: "Да уж теперь все равно!"

Белочка — великий человек. Я горжусь, что жизнь связала меня с Ахмадулиной и Мессерером. Благодарен за это судьбе. Пожелаем Белочке жить долго-долго, писать и удивлять нас своим творчеством. И чтобы оставалась она такой же, со всеми странностями и прелестями, которые ей подарила жизнь. Считаю вершиной ее творчества — "Сто первый километр". Там ее потрясающая, изящная, тонкая лексика сочетается с абсолютными народными мотивами. 101-й километр — это та грань, через которую не могли переступить узники и ссыльные.

В ней потрясает сочетание изысканной лексики и трагических деталей жизни. В нашей поэзии это волшебное сочетание, на мой взгляд, свойственно только Ахмадулиной.

Григорий Бонгард-Левин, академик РАН и Французской академии изящной словесности:

— Беллу и Бориса знаю с молодости, уже несколько десятилетий, когда я имел удовольствие входить в круг поэтов и художников. Был счастлив побывать на награждении лауреатов в Кремле, когда Ахмадулиной, гению поэзии, вручали Президентскую премию. Я поклонился Белле за ее благородный талант. Еще раз убедился, что Белла все еще красивая. Прекрасно, когда красота сопряжена с талантом.

Владимир Войнович, писатель:

— Я был начинающим поэтом, работал на стройке и с любопытством заглядывал в Литинститут, бывал на семинарах Михаила Светлова. И однажды услышал Беллу — она читала свои стихи. Устремленная вывес, тоненькая, она была поистине девушкой неземной красоты. В ту пору я не был с ней лично знаком. Стихи грациозной студентки меня удивили. Слушал ее и поражаюсь тому, как сливаются вместе изящество, обаяние Беллы с красотой поэтического текста. Необычен язык стихотворений Ахмадулиной: рафинированный стиль, хотя несколько старомодный, но именно в нем в ту пору я ощутил безусловную одаренность поэтессы.

Подружились мы в довольно черные для меня дни. Меня исключили из Союза писателей, разнообразно преследовали и творили мне всяческие препятствия. Иные знакомые тут же отшатнулись, увидев, переходили на другую сторону улицы. Но именно тогда я приобрел настоящих друзей. С Беллой мы жили в одном доме и дружили домами. Она приходила ко мне одна или с Борисом. Отношения у нас были товарищеские и очень теплые. Своим вниманием Белла поддерживала во мне неунывающий дух в трудное для меня время. Я за это ей очень благодарен.

Я вообще хочу сказать: она не только красивый и талантливый человек, но и благородный и умный. Она мгновенно чувствует любую фальшь — и это делало общение с ней непросто: фальшивый понимал в ее присутствии, что он разоблачен. В трудные годы Белла вела себя мужественно — писала, например, письмо протеста против высылки Сахарова в Нижний Новгород. Она смело избирала опасный путь. На один из дней ее рождения я был у нее. И, когда я уходил, она из окна к моим ногам бросила букет роз и крикнула: "Володя, пусть твой путь будет усыпан розами". Путь мой тогда был утыкан шипами.

Когда я уезжал в эмиграцию, проводы устроили у Бориса в мастерской на Воробьинском. Это было небезопасно. А когда советских людей стали выпускать за границу, среди первых приехавших друзей в Нью-Йорке я увидел Беллу и Бориса. Это был миг возвращения нашей молодости.

К тому избранных произведений Белла написала обращение к своим читателям. Оно заканчивалось покаянием. "И еще одно, уже последнее: прошу Вас, пойте и простите меня, примите мою любовь".

Несколько раз из Германии звонил мне **Андрей Вознесенский**, чтобы поздравить Беллу через "МК". Эфир не донес всех подробностей его горячих чувств. Но нежно и тихо он сказал: "Белла — божественная женщина. Желаю ей счастья и новых прекрасных стихов. Я посвятил ей стихотворение. Приеду — прочту".

Белла, примите и наше восхищение вашим талантом.

Наталья ДАРДЫКИНА.